

УДК 4414

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ: ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Кулумбаева Даяна Азаматовна

студент 3 курса факультет Юриспруденция

Оренбургский Институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется проблема ограничения права на неприкосновенность частной жизни внедрением системы биометрической идентификации в Российской Федерации. Целью работы является выявление фундаментального противоречия между заявленной целью обеспечения общественной безопасности и фактическим результатом — возникновением «охлаждающего эффекта» на свободу передвижения и ассоциаций, а также рисками тотального цифрового контроля над личностью. Методологическую основу составили диалектический, сравнительно-правовой и системный подходы. Проанализированы полярные доктринальные позиции, представленные радикально-критическим и реформистским направлениями, а также международные рекомендации Совета Европы и экспертного сообщества. В результате исследования обоснована необходимость перехода от императивного и повсеместного сбора биометрических данных к дифференцированной, риск-ориентированной системе регулирования. Автором предложены четыре конкретных законодательных механизма: введение исчерпывающего перечня целей сбора биометрии, создание трехуровневой системы конфиденциальности (уведомительный, контрольный и запретительный уровни), замена принципа «подразумеваемого согласия» на явное и информированное согласие в публичных пространствах и применение критерия технологической нейтральности.

Ключевые слова: биометрическая идентификация, неприкосновенность частной жизни, охлаждающий эффект, правовая неопределенность, пропорциональность ограничений, персональные данные.

RESTRICTION OF THE RIGHT TO PRIVACY BY BIOMETRIC IDENTIFICATION: THE HUMAN RIGHTS COMPLIANCE ISSUE

Kulumbaeva Dayana Azamatovna,

student 3 term faculty of jurisprudence

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (MSAL)

Russia, G. Orenburg

Abstract. The article examines the problem of restricting the right to privacy through the implementation of a biometric identification system in the Russian Federation. The study aims to identify the fundamental contradiction between the stated goal of ensuring public security and the actual result — the emergence of a "chilling effect" on freedom of movement and association, as well as the risks of total digital control over the individual. The methodological framework is based on dialectical, comparative-legal, and systemic approaches. Polar doctrinal positions represented by radical-critical and reformist directions are analyzed, as well as international recommendations from the Council of Europe and expert community. As a result of the study, the necessity of transitioning from imperative and ubiquitous collection of biometric data to a differentiated, risk-oriented regulatory system is substantiated. The author proposes four specific legislative mechanisms: the introduction of an exhaustive list of purposes for biometric data collection, the creation of a three-tier privacy system (notification, control, and prohibitive levels), the replacement of the principle of "implied consent" with explicit and informed consent in public spaces, and the application of the criterion of technological neutrality.

Keywords: biometric identification, privacy, chilling effect, legal uncertainty, proportionality of restrictions, personal data.

Вопрос о допустимых пределах вмешательства государства в сферу частной жизни человека традиционно относится к числу наиболее чувствительных для правосознания граждан. Статья 23 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а статья 24 прямо запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия [1]. Однако правовая реальность цифровой эпохи демонстрирует появление механизмов массового сбора биометрических данных, которые, не будучи оформленными как прямое вторжение в жилище, создают условия тотального мониторинга повседневной жизни человека. Речь идет о Единой биометрической системе (далее — ЕБС) и повсеместном внедрении систем распознавания лиц. Ключевая проблема заключается в том, что институт биометрической идентификации эволюционирует из вспомогательного инструмента предоставления государственных услуг в средство потенциального цифрового контроля над обществом: возникает фундаментальное несоответствие между заявленной государством целью — повышением безопасности и удобства граждан — и фактическим результатом — риском несоразмерного ограничения приватности и свободы личности.

Целью настоящего исследования является не только выявление обозначенного противоречия, но и критическое осмысление сложившихся доктринальных подходов, а также

обоснование необходимости перехода от императивной бинарной модели сбора биометрии к дифференцированной трехуровневой системе регулирования, позволяющей восстановить баланс между интересами национальной безопасности и гарантиями неприкосновенности частной жизни.

Материалом исследования послужили нормативные положения Конституции Российской Федерации [1], федеральное законодательство о персональных данных, включая Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] и Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» [3], доктринальные источники (работы Н.Ю. Чельшевой, З.О. Митянова, А.В. Баннова и др.), а также международные стандарты в области защиты данных, включая Общий регламент по защите данных (GDPR) Европейского союза. Методологическую базу составили диалектический метод познания правовой действительности, сравнительно-правовой анализ российского и европейского законодательства, системный подход, а также формально-юридический метод, позволивший оценить используемые законодателем формулировки с точки зрения правовой определенности.

Проведенный анализ научной литературы позволяет выделить два принципиально различных подхода к проблеме соотношения биометрической идентификации и права на частную жизнь.

Первый, радикально-критический, сформулирован Н.Ю. Чельшевой. Исследователь настаивает на необходимости выработки действенного механизма защиты граждан от неправомерного и недобросовестного вмешательства в частную жизнь в результате применения биометрических технологий. Ключевой проблемой автор видит не столько наличие систем как таковых, сколько возможность алгоритмической ошибки или иных форм некорректной работы технологии, влекущей нарушение прав граждан без эффективных средств правовой защиты. Решение проблемы автору видится в создании механизма компенсации морального вреда гражданам, чьи личные неимущественные права и интересы были нарушены в результате сбоя технологий распознавания лиц, примененных по решению органов государственной власти либо иных лиц [4].

Второй подход — реформистский — представлен З.О. Митяновым. Анализируя ЕБС, автор не ставит под сомнение саму ее легитимность, но акцентирует внимание на институциональных ограничениях публично-правовой защиты биометрии. Исследователем выделяются такие проблемы, как ограниченность круга биометрических идентификаторов, обрабатываемых в рамках ЕБС, а также неполнота законодательных дефиниций в части регулирования таких биометрических техник, как распознавание и категоризация. В качестве решения предлагается унификация всех разновидностей и техник обработки биометрии в рамках

ЕБС, ужесточение правил обращения с биометрией в случае ее обработки вне ЕБС в течение переходного периода и выработка единого риск-ориентированного подхода [5].

При внешней противоположности оба подхода сходятся в главном: текущее регулирование порождает правовую неопределенность и оказывает значительное влияние на реализацию конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Вместе с тем сама постановка дискуссии — между критикой системы и ее точечной корректировкой — представляется недостаточной, поскольку упускает из виду более глубокую проблему. По моему убеждению, корень проблемы кроется в бинарной конструкции, заложенной в саму философию регулирования: существует только два состояния — гражданин либо находится вне поля зрения государства, либо попадает под тотальный автоматизированный контроль, который де-факто осуществляется без его реального, осознанного согласия.

Именно эта бинарность порождает «охлаждающий эффект»: ограничение частной жизни достигается не прямыми запретами, а созданием таких технических и правовых условий, при которых человек осознает высокую вероятность быть идентифицированным и отслеженным в любой точке пространства. При таком положении вещей индивид вынужден корректировать свое поведение, отказываясь от реализации законных прав на свободное передвижение и самовыражение. Аналогичные опасения высказывает Ю.С. Меркулова, подчеркивая, что биометрический контроль подрывает саму суть конституционной неприкосновенности частной жизни [7].

С точки зрения принципа пропорциональности такое положение недопустимо: вред, причиняемый праву на частную жизнь, явно несоразмерен абстрактной цели обеспечения безопасности, особенно когда критерии допустимости вмешательства остаются размытыми. Подтверждение данной оценки можно найти в международных экспертных позициях. Так, А.В. Банновым был выявлен парадокс нормативной неопределенности, который заключается в том, что, несмотря на формальный запрет обработки биометрии без согласия субъекта, предусмотренный статьей 11 Федерального закона № 152-ФЗ, массовое внедрение систем распознавания лиц в публичных пространствах де-факто лишает граждан реальной возможности выбора [6].

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 13-П от 15.05.2018 сформулировал универсальные критерии законности, необходимости и соразмерности вмешательства в частную жизнь, подчеркнув требование минимальности, обоснованности и проверяемости такого вмешательства, а также значение судебного контроля [9]. Этот подход полностью коррелирует с международными стандартами, закрепленными, в частности, в Общем регламенте по защите данных (GDPR) [8], а также в отчетах Венецианской комиссии, подчеркивающих необходимость строгой пропорциональности при использовании технологий слежения [10]. Для восстановления

баланса между национальной безопасностью и правом на неприкосновенность частной жизни необходимо перейти от императивного сбора биометрии к дифференцированной, риск-ориентированной модели. Автором разработаны следующие законодательные механизмы.

Первый механизм — устранение правовой неопределенности целей сбора. Вместо использования расплывчатых формулировок, допускающих расширительное толкование, следует ввести исчерпывающий перечень конкретных, социально значимых целей, для достижения которых допускается применение биометрической идентификации в публичных пространствах. Этот перечень должен включать исключительно розыск лиц, подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также противодействие непосредственным террористическим угрозам. К примеру, использование камер с функцией распознавания лиц для выписывания штрафов за переход дороги в неположенном месте или для отслеживания посещения гражданами массовых мероприятий не может считаться соразмерным вмешательством в частную жизнь.

Второй механизм — введение трехуровневой системы конфиденциальности: уведомительный уровень — для общественных пространств с низким уровнем риска (улицы, парки, торговые центры). Здесь допустимо простое видеонаблюдение без применения технологий распознавания лиц и привязки к личности. Граждане должны информироваться о ведении видеозаписи, однако получаемые данные не подлежат интеграции в системы идентификации личности; контрольный уровень — для объектов критической инфраструктуры (вокзалы, аэропорты, станции метрополитена). Здесь применение биометрической идентификации допустимо, но исключительно в режиме реального времени для сверки с базами разыскиваемых лиц. Данные не подлежат хранению, за исключением случаев совпадения с критериями розыска. Срок хранения таких записей должен быть ограничен 30 сутками, после чего они подлежат автоматическому уничтожению; запретительный уровень — для пространств, где у человека есть обоснованное ожидание приватности (туалетные комнаты, примерочные, медицинские кабинеты, жилые помещения). В этих местах любой сбор биометрических данных должен быть категорически запрещен, а нарушение этого запрета должно влечь уголовную ответственность.

Третий механизм — замена принципа «подразумеваемого согласия» на явное и информированное. Действующая практика, при которой нахождение гражданина в публичном пространстве автоматически приравнивается к его согласию на биометрическую обработку, противоречит самой сути конституционной гарантии. Необходимо ввести четкий стандарт информирования: в зонах действия биометрических систем должны размещаться хорошо видимые предупреждающие знаки, а любому лицу должно быть гарантировано право отказаться от взаимодействия с биометрической системой в пользу альтернативных, менее инвазивных

способов идентификации. Например, при входе в метрополитен гражданин должен иметь реальную возможность пройти через турникет по обычному проездному билету, не предоставляя биометрических данных.

Четвертый механизм — применение критерия технологической нейтральности как оценочного стандарта. Государство, внедряя биометрические системы, должно доказать, что менее инвазивные способы достижения той же цели безопасности (усиление патрулирования, повышение освещенности, тревожные кнопки) неспособны обеспечить сопоставимый уровень защиты. Примером несоразмерного ограничения может служить установка камер с функцией распознавания лиц в городских парках под предлогом предотвращения вандализма, когда достижение той же цели возможно путем улучшения освещения и организации регулярных полицейских патрулей.

Проведенное исследование подтверждает, что существующая модель биометрической идентификации, основанная на логике тотального сбора данных, порождает несоразмерное вмешательство в сферу частной жизни. Если данное право гарантировано Конституцией, но его реализация сопряжена с риском постоянного негласного наблюдения и отсутствием реального выбора, оно остается пустой формальностью. Отвлеченная цель обеспечения безопасности не может быть важнее реального ущемления конституционного права на частную жизнь для миллионов граждан. Как свидетельствуют исследования, в частности работы Ю.С. Меркуловой [7], подобные регулятивные модели вызывают устойчивый «охлаждающий эффект», де-факто лишая граждан выбора и затрудняя реализацию фундаментальных прав. Выходом из сложившейся ситуации является не полный отказ от технологического прогресса, а создание соразмерной, многоступенчатой системы, основанной на ясных критериях допустимости вмешательства в частную жизнь, строгом целевом ограничении использования биометрии, реальном информированном согласии и эффективной судебной защите прав граждан. Предложенная трехуровневая модель с описанными законодательными механизмами способна возратить конституционному праву на неприкосновенность частной жизни его действительный, а не только декларированный смысл.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – 4 июля (№ 144).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

3. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1 (ч. 1). – Ст. 16.
4. Чельшева Н.Ю. Проблемы защиты прав граждан при использовании технологий распознавания лиц органами государственной власти / Н.Ю. Чельшева // Право и цифровая экономика. – 2023. – № 4. – С. 31–40.
5. Митянов З.О. Ограничения публично-правовой защиты биометрии в рамках единой биометрической системы / З.О. Митянов // Сибирский юридический вестник. – 2025. – № 3 (110). – С. 34–39.
6. Баннов А.В. Биометрические данные как новый вызов для законодательства: безопасность и права человека / А.В. Баннов // Молодой ученый. – 2025. – № 24 (575). – С. 318–320.
7. Меркулова Ю.С. Проблемы биометрического контроля и конституционной неприкосновенности частной жизни / Ю.С. Меркулова // Молодой ученый. – 2025. – № 51 (602). – С. 566–569.
8. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. – 2016. – L 119. – P. 1–88.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.05.2018 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина А.И. Попова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 4.
10. Venice Commission. Report on a Rule of Law and Human Rights Compliant Regulation of Spyware, adopted by the Venice Commission at its 141st Plenary Session (Venice, 6-7 December 2024). – CDL-AD(2024) 043-e.